

Юлия Тупикина

КУЛИНАРНЫЙ КРУЖОК

Пьеса

МИША
ОЛЯ
ЛИЗА
СЛАВА
АРКАДИЙ

Комната в квартире МИШИ. Это кухня, объединённая с гостиной. Место действия не меняется всю пьесу.

1. МИША, ОЛЯ, СЛАВА и ЛИЗА.

МИША. Итак, начинаем. Значит, нам понадобятся следующие продукты. Вы можете не записывать, я вам распечатал рецепты, вон там лежат. Это, конечно, рис, лучше круглый, но можно басмати. Чеснок, баранина, лук, морковь, зерна граната или барбарис, зира. Если есть курдючный жир – совсем хорошо, сегодня без него. Так, значит, так. Вок с толстыми стенками, как этот. Ну или чугунная утятница. Есть у кого такая? Осталась от бабушки?

ОЛЯ. Хи-хи, есть, да.

МИША. Ну и отлично.

СЛАВА. А просто в кастрюле? Нельзя?

МИША. Можно, Слава, можно. Можно, но не нужно. Итак, баранину и лук режем. Лука много. Кладём кусочками на дно и обжариваем. Вот так. Масло много льём. Масло нерафинированное.

ОЛЯ. У вас такой деловой вид, Миша! Хи-хи!

МИША. Ну мы же с вами делом занимаемся, да ведь, Оля? Я с вами делюсь своим умением. Мы ведь для этого собрались?

ОЛЯ. Ну да-да.

СЛАВА. Миша, а сколько минут обжаривать? Тут в рецепте время не указано у вас.

МИША. Хороший вопрос. А давайте все перейдём на «ты», окей? Хороший вопрос ты задал, Слава.

ОЛЯ. Минут двадцать.

МИША. Хороший вопрос ты задал. Эйнштейн в свое время говорил: "Я никогда не думаю словами, но только образами". Эта потрясающая способность дарована лишь избранным. Пойти дальше, чем другие. Увидеть то, что не видно окружающим. Объять необъятное. Заглянуть за горизонт. Вырваться из замкнутого круга стереотипов. Стать богом!

ОЛЯ. Хи-хи-хи!

СЛАВА. Какая интересная информация!

МИША. Хороший повар – это тоже Эйнштейн. Он должен чувствовать, он может не знать, но должен чувствовать. Почувствуй будущий плов, Слава. И у тебя не будет таких вопросов – сколько.

СЛАВА. Честно говоря...

ОЛЯ. Чувствуй-не чувствуй – двадцать минут всё равно.

МИША. Плов сам подскажет тебе, сколько, Слава. Итак, пока готовится баранина, поговорим о нашем клубе. Клуб создан для обмена энергией. Для совместного погружения в кулинарию. В искусство кулинарии. Мы все улучшим наши способности, овладеем новыми навыками. В результате произойдёт апдейт. Мы сделаем скачок и...

ОЛЯ. Пригорит же.

МИША (*быстро перемешивая*). Чувствую, огонь можно убавить.

ОЛЯ. Да тут любой дурак почувствует.

МИША. А теперь, когда мясо обжарилось, наливаем воды. Лиза, поддержи, пожалуйста. И кладем рис. И несколько головок чеснока прямо as is, не чистим.

СЛАВА. Как? Точно не чистим? Да ладно!

МИША. Слава, нетрадиционные и смелые шаги приведут нас к успеху, это я тебе как тренер говорю. Инновации...

ОЛЯ (*перебивая*). Хи-хи! Узбеки кладут так чеснок, в шкурке. Уже несколько сотен лет, наверное. Или тысяч.

МИША. Инновации – двигатель прогресса. А теперь, пока наш плов созревает, напитокывается соком, ароматом, давайте знакомиться. Давайте каждый расскажет про себя. Начнем с тебя, Оля.

ОЛЯ. Нет, давайте начнём с Лизы. А то у неё губы склеятся. Лиза?

ЛИЗА. Да?

ОЛЯ. Лиза, расскажи нам о себе.

ЛИЗА. А что рассказывать?

МИША. Что считаешь нужным. Например, как тебе удалось родиться такой красивой. Шучу. Предлагаю так: имя, профессия и пять вещей, которые ты хорошо умеешь делать. И что любишь делать, всего пять таких действий.

ЛИЗА. Действий?

МИША. Ну да, твои сильные стороны, например, у тебя получаются лучшие в мире пирожки с яблоком.

ЛИЗА. Ну, я не умею стряпать из дрожжевого теста. Вот если шарлотку...

МИША (*перебивая*). Тебе и необязательно стряпать, главное – улыбайся как сейчас. Итак...

ЛИЗА. Я Лиза, я работаю в большой айти-компании, программирую. Пять вещей. Я хорошо знаю объекто-ориентированные языки программирования, я подтягиваюсь пять раз, очень хорошо умею беречь планету от загрязнения, защищаю права сексуальных меньшинств и фотографирую крыши.

ОЛЯ. Ого.

СЛАВА. Не слабо!

МИША. А почему ты защищаешь права сексуальных меньшинств, Лиза?

ЛИЗА. Я лесбиянка.

МИША. Fuck. Окей, спасибо, Лиза. Теперь Оля.

ОЛЯ. Эээ... Да. Да. Я Оля, бухгалтер. Пять вещей... Ну, я хорошо делаю массаж и люблю его делать.

СЛАВА. Какое хорошее умение, слушай!

ОЛЯ. Я хорошо гоняю на машине по пустым дорогам. Ой, ну что ещё... Ну, я умею классно делать баланс – я хороший бухгалтер. Правда мама моя

так не считает. Я умею вкусно готовить борщ. Я немножко знаю итальянский язык.

МИША. Замечательно, Оля! Вот как раз и научишь нас готовить борщ, окей?

СЛАВА. А лучше массаж!

МИША. Не забываем про наши кулинарные цели. Теперь Слава.

СЛАВА. Я Слава. Наполовину кореец. Моя фамилия Ли. Я работаю редактором сайта в одной маленькой организации. Люблю велосипед, хорошо езжу. Крым проехал весь вдоль и поперёк. И по России. Я хорошо умею лазить по стенке – ну, скалолазанием занимаюсь. Так, что еще? Умею играть на гитаре. Быстро бегаю. Увлекаюсь поэзией. Как-то так. Кстати, там у тебя гитара, Миша. Тоже играешь?

МИША. Брат оставил. Он играет. Хорошо, спасибо, Слава! Ну, теперь я. Меня зовут Миша, я бизнес-тренер. Специализируюсь на продажах. Если вы не умеете продавать – то я вас научу. За свою жизнь я продал товаров и услуг на миллионы долларов. Делал чудеса и не раз вытаскивал перед изумленными клиентами из шляпы разнообразных зайцев. Посчитаем это моим первым умением. Отлично рисую – второе. Хорошо играю в шахматы – третье. Умею драться – четвертое. И пятое, я отличный муж и отец, осталось это только реализовать. Вот.

ОЛЯ. В смысле? Так у тебя есть семья?

МИША. Еще нет, но скоро будет. Ведь правильная поставленная цель – это что?

ОЛЯ. Что?

МИША. Это половина успеха!

ОЛЯ. А, ну-ну.

МИША. Как гласит народная мудрость, if you think you can – you can, if you think you couldn't – you couldn't. Скоро я встречу свою будущую жену, мы поженимся и родим прекрасных детей.

ОЛЯ. А, так ты еще и не встретил её даже?

МИША. Погодите, тут нам надо отвлечься на плов. Морковка. Должно быть очень много морковки. Её ни в коем случае не тереть – а только резать размером с полпальца. Я заранее приготовил, вот. Мы высыпаем морковь в наш плов, хорошо перемешиваем, добавляем приправы, соль. В данном случае зира.

СЛАВА. Пахнет аппетитно! А где ты научился готовить плов, Миша?

МИША. У соседей-таджиков.

ОЛЯ. Как интересно. Соседи звали на плов?

За стеной у соседей начинает играть музыка - это «Imagine» в исполнении Джона Леннона.

МИША. О, это мой сосед Аркадий. Знакомьтесь. Он очень интеллигентный человек, когда-то был музыкант, любит «Битлз».

Аркадий за стеной начинает подпевать Джону, в промежутках громко вскрикивая от удовольствия «Ой, бля!», «Сука, хорошо-то как!»

СЛАВА. Какой колоритный персонаж!

ОЛЯ. Всё-таки, как он глубоко чувствует музыку.

МИША. Выпей столько же – и почувствуешь даже пульс вселенной.

СЛАВА. А, так это алкаш.

МИША. Да, алкаш. Ненавижу алкашей. И алкоголь.

ОЛЯ. Не пьёшь? Вообще?

МИША. Итак, посмотрим, как там наш плов.

ОЛЯ. Нет, ну это невозможно. Это какое-то неуважение!

МИША. Ты про что?

ОЛЯ. Я про всё! Про тебя! Ты поворачиваешься к нам спиной, как будто нас тут нет! Не отвечаешь на вопросы!

МИША. Когда...

ОЛЯ (*перебивая*). Сейчас! Я сейчас спросила тебя, а ты к своему дурацкому плову повернулся! И всё время поворачиваешься спиной!

МИША (*тщательно протирает стол тряпкой*). Разве я давал повод так на меня кричать?

СЛАВА. Тихо-тихо, тихо-тихо, давайте успокоимся, давайте не будем ссориться...

МИША (*перебивая*). Хорошо, Оля, я отвечу на твой вопрос: да, я вообще не пью. И спиной к тебе я повернулся, чтобы помешать плов, но ты можешь сесть так, чтобы всегда меня видеть. Есть еще у тебя вопросы?

ОЛЯ. Есть! Вот я хочу спросить вас, как мужчин. Вот вы, как мужчины, ответьте мне про других мужчин. Вот почему вы, мужчины, воняете?

МИША. Воняем?

ОЛЯ. Да, воняете. Не вы воняете, другие мужчины. Но многие, многие! Вот мне интересно, неужели так тяжело помыться? Вот мы же моемся. Дезодоранты применяем...

МИША (*перебивая*). Я не понял, мы сейчас воняем?

ОЛЯ. Нет, вы не воняете, кажется. Но вообще мужчины воняют. Заходишь в автобус – а там мужчины, и такая вонь! Ну как так? Ну почему вы не моетесь? Ведь вы же должны пахнуть свежим хлопком, я не знаю, мылом “Дав”. А вы воняете каким-то мужиком, каким-то потом, я не знаю, грязной головой, тухлыми носками, убитыми и оставленными под мышками зверями. Вы же потеете! Потеете! Почему вы не моетесь?

МИША. Я моюсь два раза в день. От меня воняет, Лиза?

ЛИЗА. Нет, наоборот.

МИША. Наоборот! Вот! Спасибо, Лиза, мне тоже нравится, как ты пахнешь.

СЛАВА (*передавая ОЛЕ стакан воды*). На вот, успокойся. Что случилось-то?

ОЛЯ. Ну вы со Славой не воняете, допустим. Но другие мужчины! Вы можете ответить за других?

МИША. Нет, не можем. Что еще? Еще какие вопросы?

МИША отворачивается от ОЛИ.

ОЛЯ. У меня мама так вот любит делать – не отвечать на вопросы и спиной поворачиваться. Как будто меня здесь нет. Извините, я просто с ней сегодня опять поругалась. Она со мной.

МИША. Ну вот, всё выяснили, хорошо...

ЛИЗА (*перебивая*). И у меня такая.

МИША. Что такое?

ЛИЗА. Мать такая. Снежная королева. Не разговаривала со мной неделями. А в детстве, помню, пошли мы с ней на ёлку. Все в костюмах, а я без. Я говорю: мама, а какой у меня костюм. Она говорит: видишь, юбка на тебе, блузка – ты Красная Шапочка. Я Красная Шапочка, мама? Да, ты Красная Шапочка. На ёлке весело было. А потом со сцены объявили конкурс. На лучший костюм конкурс. Ну и все дети пошли на сцену, и я. А она говорит мне: куда ты? Останься. Я говорю: ну как же, мама, там всех зовут, конкурс. Нет, ты не пойдешь. Почему, мама, ну почему, мама, почему? Я же Красная Шапочка, мама. Нет, ты не Красная Шапочка, Лиза. А кто я, мама? Ну разве ты не видишь, Лиза, что ты никто. Ты никто. Ты никто.

(пауза)

СЛАВА. А хотите, я на гитаре сыграю, хотите?

МИША. О! Какая хорошая идея! Давай, Слава, сыграй нам. А Оля пока нам сервирует стол. Да, Оля? А Лиза ей поможет. И я хотел еще в завершении официальной части спросить вас про ваши цели. Чего вы ждете от нашего клуба? Мне, как президенту, важно знать. Слава?

СЛАВА (*настраивая гитару*). М? Что? Какая цель? Ну, допустим, кое-что научиться готовить. Я живу один теперь – недавно развёлся. А жрать-то надо.

МИША. Оля?

ОЛЯ. Я? Я не знаю. Я решила не только работать, но и жить. Хожу на фитнес, стала с друзьями встречаться. Вот, увидела объявление на сайте, что такой известный тренер собирает кулинарный кружок, записалась.

МИША. В Клуб! У нас Клуб, а я президент, такие дела. Лиза?

ЛИЗА. Я пришла, чтобы научиться общаться с людьми и чтобы найти друзей. Чтобы они не были айтишниками.

ОЛЯ. Хи-хи!

МИША. В общем-то, далёкие от кулинарии цели.

ЛИЗА. А у тебя? У тебя какие?

МИША. Что?

ЛИЗА. Какие у тебя цели, Миша? Личные цели.

МИША. Мои цели? Ну что, кидаем в плов зерна граната.

СЛАВА. А зачем они в плове?

ЛИЗА. Так какие твои цели?

МИША. Моя цель – приятно проводить время. В обществе таких красивых девушек.

СЛАВА (*играет на гитаре и поёт*). У меня есть друг, хороший друг. Мы вместе с ним всегда и всюду. Его могу валять в грязи я, он простит. Вернее, ему пофиг. Велосипед, велосипед, прошел со мною все походы. Он не сбежит, не бросит, как жена. С тобой повсюду велосипед, велосипед. Он лучший друг мне.

ЛИЗА. Мой первый велосипед. Его звали Джеймс. Такой стильный, блестящий. Бесшумный такой, тихо шелестел по асфальту, быстро разгонялся. Красавчик! У него была своя скорость, я не попадала. Я такая неуклюжая, он такой стремительный. Я падала, падала, ушибалась. Он тоже из-за меня. Джеймс. Такой чёрный, блестящий. И вот, я его оседлала как-то, мы поехали. Мы ехали и сердце разрывалось от

ветра. Мы с Джеймсом. Мы. Это был мой первый друг. Может, единственный.

ОЛЯ. У меня отбирали велосипед. Ты получила тройку? Останешься без велосипеда – говорила мама. И отбирала его. Но я брала у подруги скейт и каталась на скейте. А велосипед был где-то далеко, далеко от меня. Мы не могли быть вместе. А я каталась на скейте. Там тоже колеса, только маленькие. Но я хотела велосипед.

МИША. Свой первый велосипед я украл. Я очень хотел велосипед, но мне не покупали, конечно. А я хотел. У всех во дворе были велосипеды, хоть старенькие, но были. А у меня не было. И я пошел в другой двор, там стоял пацан с велом. Я стал с ним разговаривать. Заговорил ему зубы, и он сам отдал мне его, сам. Он был как под гипнозом. Я почувствовал себя таким крутым. Почти богом. Я сел на его велосипед и поехал. Я ехал по улицам и плакал от радости. Я чувствовал себя сильным. И что удача любит меня. Аллилуйя!

2. МИША и ЛИЗА.

МИША. Как хорошо, что ты записалась в мой кулинарный кружок. А хочешь кофе?

ЛИЗА. Нет, не хочу, спасибо.

МИША. А что так?

ЛИЗА. Я не сплю от него до утра. И сердце бьётся.

МИША. А, так кофе на тебя влияет как хороший мужчина! А, прости, как хорошая женщина. Или как там у вас...

ЛИЗА. А вот скажи мне, что такое близость?

МИША. Что?

ЛИЗА. Что такое близость?

МИША. Что?

ЛИЗА. Близость.

МИША. Близость? Ха-ха! Неожиданные ты вопросы задаешь. Ты имеешь в виду сексуальную близость?

ЛИЗА. Нет, совсем нет. Я имею в виду близкие отношения между людьми.

МИША. Я не понимаю... Ну хорошо. Ну вот, у меня есть братья. Мы общаемся с ними, праздники проводим вместе иногда. Я им помогаю. Они меня любят. Оно?

ЛИЗА. А у тебя были близкие отношения с другими людьми? Не с родственниками. Ты умеешь?

МИША. Близкие отношения я люблю устанавливать с девушками. Ночью, утром...

ЛИЗА (*перебивая*). Не хочешь говорить. Убегаешь.

МИША. Ну что ты, Лиза, я не убегаю, вот, я могу придвинуться к тебе еще ближе.

ЛИЗА. А может, и не умеешь. Быть близко. Далеко быть безопаснее.

МИША. Ты такая глубокая. Как хорошо, что ты пришла пораньше.

ЛИЗА. Не верю тебе.

МИША. Ты такая красивая. От тебя будут красивые дети.

ЛИЗА. Отойди. Я лесбиянка и меня мужчины не возбуждают.

МИША. Ты уверена?

ЛИЗА. Не хочу на эту тему говорить.

МИША. Ну хорошо, давай поговорим о близости. У тебя очень теплый взгляд. Я очень хочу встретить человека...

Заходят ОЛЯ и СЛАВА.

МИША. Чёрт.

ОЛЯ. Что это у тебя дверь открыта.

СЛАВА. Салют!

МИША. А что, уже семь часов?

ОЛЯ. Ой, Лиза, помоги мне – тут надо помыть свёклу.

МИША. Итак, борщ.

ОЛЯ. Итак, борщ. Борщ. Ну-у-у... В этом есть что-то кровавое, в этом супе. Будь моя воля – я написала бы красной краской на асфальте: борщ, я люблю тебя! А то там написано: Света, я люблю тебя. Это неправильно. Э-э-э, ну что, свёкла, морковь, лук, томатная паста, капуста.

СЛАВА. А картошка?

ОЛЯ. Не нужна здесь. Ну а сначала варим бульон. Надо было, может, мне заранее дома сварить бульон, да?

МИША. Да, Оля, что-то ты как-то плохо подготовилась.

ОЛЯ. А что, я должна была из дома тащить кастрюлю бульона? Взял бы и сам сварил заранее.

МИША. Эх, Оля, Оля! Не огрызаться надо, а делать выводы на будущее. А правильный вывод какой?

ОЛЯ. Ну?

МИША. А правильный вывод: хорошая подковка – половина успеха.

СЛАВА. А другая половина – правильно поставленная цель?

МИША. Вот именно!

ОЛЯ. Дешевые книжки по продажам. У меня мама такая – все у неё виноваты, все плохо подготовились, все тупые. Такой грязью людей поливает – я убегаю, не могу слушать. Начинает за здоровье – типа как ты, из книжек. А потом уже свиньями обзывает, идиотами. Она у нас директор.

МИША. Но ведь эффективно? Это работает? Раз она не уборщица, а директор.

ОЛЯ. Да, эффективно. Она мне список написала. Список, что я должна делать для неё, как дочь. Длинный такой. Там написано, что я должна возить её на отдых четыре раза в год минимум, поздравлять со всеми праздниками и дарить подарки дорогие. Написано, как я должна её хвалить, какими словами. Инструкция. Потому что я-то сама ни на что не годная. Надежды на меня мало.

МИША. Давайте вернемся к борщу. Кто знает историю этого блюда?

ОЛЯ. История этого блюда – это история твоей мамы. Мама же готовит всегда.

ЛИЗА. А моя терпеть не может готовить. Так я на бутерах и жила всё детство. А мама всё устраивала свою личную жизнь.

МИША. А вот умела бы вкусно готовить – давно устроила бы. Я на одной чуть было не женился из-за её шарлотки. Так вот, что касается борща...

ОЛЯ. А моя встала рядом со мной. Я в зеркало смотрелась. Встала, и говорит: какая ты стала уже старая, быстро завяла. Носогубная складка такая у тебя глубокая уже, не по возрасту. Сутулая. Живот висит. Ну, грудь-то у

тебя и так некрасивая всегда была. Всё-таки, ты не в меня. У меня еще вон какие волосы густые – может, я и замуж выйду ещё.

ЛИЗА. А моя всё дарит мне какие-то рюши. Какие рюши? А ты, говорит, какая-то неженственная. Ты же девочка, вот и носи платья, говорит. А сама в детстве коротко стригла меня. Чтобы не заморачиваться с косичками. И платья не покупала – потому что в штанах практичнее же. И кукол не было – зачем? Глупое занятие. Надо ребусы решать.

СЛАВА. Нет, она не права! Они обе не правы, девочки!

МИША. Как там бульон, Оля?

ОЛЯ. В смысле?

МИША. В прямом смысле. Как. Там. Бульон.

ОЛЯ. Я не поняла. Мы тут на такие темы важные говорим...

МИША. Но мы здесь собрались ради чего, Оля?

ОЛЯ. Так а в чём проблема?

МИША. Да нет проблем. В прошлом году мы с друзьями прилетели в Барселону, взяли машину напрокат и поехали во Францию. Мы проехали Лазурный берег до Монако и...

ОЛЯ (*перебивая*). А почему Монако?

МИША. Почему Монако? Во-первых, ты меня перебила, ну ладно. Монако – потому что там очень красиво и концентрировано, и...

ОЛЯ (*перебивая*). Нет, ты не понял – мы сидим, рассказываем про наших мам, и вдруг ты перебиваешь и вдруг...

МИША (*перебивая*). Послушайте, есть столько интересных тем в этом мире, зачем превращать наш кулинарный клуб в клуб анонимных алкоголиков каких-то. Да, Слава? Зачем это бабское нытьё?

СЛАВА. А меня мама воспитывала как хорошего мальчика. Я всегда был правильным. А жена ушла к моему другу Коле. А что Коля? Коля не работает, картины малюет, бабник.

МИША. Хорошо, у меня был друг Санёк. Ботаник. Умный пацан, фантастику читал, я тоже. Помните, были такие брошюры «Искатель»? Помню, там напечатали такой рассказ про остановленное время. Что можно замораживать момент – и вся жизнь остановится, как на фотографии, а ты нет. Ты можешь всё исправить. Всё наладить. Допустим, один человек замахнулся на другого – ты можешь остановить, ну или чуть толкнуть его – и он свалится, когда ты время снова запустишь. Вот так. Хороший был пацан Санёк. Где он сейчас?

(пауза)

СЛАВА. И это всё?

МИША. Всё.

СЛАВА. Это что, вся история?

МИША. Ну да. Вспомнил друга.

СЛАВА. А меня всегда били, всё детство. За то, что дрищ узкоглазый. Мама же как меня воспитывала? Что надо договариваться, быть вежливым, быть хорошим – и все будут тебя любить. Но меня били. А мама? Помню, отправила меня с банкой за сметаной, мне шесть или семь лет. А там очередь такая большая, стою. Час стою, два. Наконец, подходит моя очередь, даю деньги, банку. А продавщица говорит: «Мальчик, а где деньги?» Я говорю: «Я же вам только что дал

деньги». Она говорит: «Нет, не давал». А она знала меня, знала нашу семью, что у нас нет отца. Я заревел, пришел домой, маме рассказываю. Она пошла в магазин. Продавщица игнорит. Мама что-то тихо говорит, аргументирует, а той хабалке плевать. Мама заплакала и ушла. Она ничего не могла сделать. И я тоже. И потом, когда дрищом узкоглазым называли – я просто убежал. Иногда догоняли, иногда нет. На велосипеде уезжал. Хуже было, когда какое-нибудь быдло пьяное в автобусе докапывалось. Не убежишь.

МИША. Так, послушайте. Вы тут можете ныть сколько угодно, жаловаться друг другу. Меня вся эта хрень не интересует. Я буду заниматься борщом. И почему, кстати, без картошки? Кто тебе сказал, что в борщ не кладут картошку?

ОЛЯ. Вот если бы ты был девочкой, я бы тебе ответила, почему в борщ не кладут картошку. Но ты же мужчина, я не знаю, как разговаривать с мужчинами.

СЛАВА. Почему? Почему не знаешь? Ну вот же я, например. Ты же разговариваешь со мной?

ОЛЯ. Да, разговариваю. Но мне трудно. Нужно быстро решить, кто ты мне. Если я хочу тебе понравиться – это одно. Если нет – другое. Но я всё время хочу понравиться мужчинам. Это напрягает.

ЛИЗА. С мужчинами разговаривать очень просто. Нужно говорить ясно, спокойно и по делу. С женщинами гораздо сложнее.

МИША. А у тебя были мужчины, Лиза?

ЛИЗА. Это бестактный вопрос.

СЛАВА. А у тебя были, Оля, мужчины-друзья?

ОЛЯ. Друзья? У меня был один друг в школе, его звали Ваня. Мы сидели вместе за партой. Классно было. Вместе в бадминтон играли. Это было так удивительно – такая дружба. Он мне списывать давал. Я ему даже про мать жаловалась, он понимал. И мы рисовали вместе, любили рисовать.

СЛАВА. Ну вот, видишь! Мы не такие уж страшные. С нами хорошо. Хочешь, приходи ко мне в гости. Порисуем.

ОЛЯ. Ха-ха!

МИША. Так, я смотрю, кулинарный клуб превращается в клуб знакомств.

Слышно, как у соседа заиграла музыка – это снова Imagine в исполнении Джона Леннона. АРКАДИЙ подпевает. МИША подходит к стене и стучит по ней кулаком. АРКАДИЙ перестаёт подпевать. МИША трёт морковь, а потом тщательно протирает стол.

ОЛЯ. Спасибо, Слава, за приглашение. Я приду.

СЛАВА. О, классно, когда?

ОЛЯ. Миша, а покажи свои рисунки.

МИША. Это тема, далекая от кулинарии. Итак, наш бульон готов! Оля, давай, учи нас дальше. Приступай.

ОЛЯ. Да, дальше. Ну, притушиваем морковь с луком и половину свёклы.

ЛИЗА. А одну треть свёклы лучше не тушить, а сбрызнуть соком лимона или уксусом. Тогда борщ будет ярким. Рубиновым.

МИША. М-м-м, мне нравится твоё внимание к форме.

ОЛЯ. Это не важно. Так вот, при тушении...

Раздается звонок в дверь, и в квартиру заходит АРКАДИЙ.

МИША. Аркаша, здравствуй, дорогой.

АРКАДИЙ. О, едой как вкусно пахнет.

МИША. Я занят, ты что хотел?

АРКАДИЙ. Здравствуйте, леди и джентельмены! Приветствую вас!

МИША. А, я смотрю, ты уже принял. Ты что хотел-то?

АРКАДИЙ. Мишаня, да ты расслабься! Я зашёл спросить, чего ты по стенке долбишь, как дятел какой.

МИША. Так ты ж орёшь, как мартовский кот.

АРКАДИЙ. Это божественно! Это божественно! Я не уйду, пока вы меня этим борщом не накормите.

МИША. Понимаешь, Аркаша...

ОЛЯ (*перебивая*). Да оставайтесь, конечно, на всех хватит.

СЛАВА. Да-да, оставайтесь.

АРКАДИЙ. Ой, спасибо, так жрать охота! Пардон.

МИША. Выпивки у нас нет, учти, и...

ОЛЯ (*перебивая*). Так вот, что касается приправ. Я добавляю хмели-сунели. Мне кажется, хмели-сунели – хорошая приправа для борща. Еще можно ложку горчицы. Зиру. И всё это мы тушим на малом огне. Тем временем, бросаем в бульон капусту.

АРКАДИЙ (*ОЛЕ*). А ты похожа на мою маму. Как тебя зовут?

ОЛЯ. Оля.

АРКАДИЙ. И мою маму Оля звали.

ОЛЯ. А мы тут как раз мам вспоминаем.

МИША. На самом деле, мы пытаемся говорить на разные светские темы. Вот, Аркадий, расскажи нам что-нибудь весёлое.

АРКАДИЙ. Весёлое? Ха! Я расскажу вам весёлое. Иду я по электричке. А я продаю разные штуки в элекричке. Иду я по вагону, значит, и останавливаюсь перед мужиком одним, он фонарик захотел. Ну, отслонявливает деньги, я ему сдачу. А потом он батарейки давай выбирать, и губку для обуви, я стою, рассказываю. А всё время бабка одна рядом на внучку орёт. Орёт, как свинья резаная, ребёнку лет пять. Ну, что грязными руками что-то там полезла, не спросила. Я и говорю бабке: мадам, хватит орать на ребёнка, мне некомфортно слушать ваши крики. Бабка охренела, встала, и своим скрюченным пальцем давай у меня перед лицом трясти. Вы тут мой авторитет роняете, говорит, перед ребёнком. И на меня переключилась. Я говорю ей: отойдите, мадам. А она в раж вошла. Трясёт и трясёт. Я говорю ей: отойдите от меня, а то я в лоб вам дам, и ваш ребенок получит психологическую травму. Тогда отстала.

МИША. Это весёлая история?

АРКАДИЙ. Мишаня, ты что такой напряжённый?

МИША. Я просто хочу понять, что в этой истории весёлого.

ОЛЯ. Моя вот так на меня всегда орала. И орёт. Раньше я пыталась защищаться. Помню, в детстве, она приперла меня к стенке и орёт за ерунду какую-то. А я так хотела её ударить, руки чесались. Но она сама начала меня бить. И подзатыльники всегда давала. За всё. Пока бабушка не вмешалась. Бабушка сказала: что же ты с ребёнком

делаешь, она же у тебя душой вырастет, дебилкой. Бей, говорит, по жопе, а не по голове. Бей хоть куда, но не по голове, говорит. А то стрясёшь голову. У меня теперь ужасные мигрени, кстати. Может, от этого. А когда она орала на меня, я всегда хотела оглохнуть. Мечтала, прям. Что она открывает свою пасть, а я ничего не слышу. И она вся такая красная, беснуется, слюни летят. А я в безопасности – я же не слышу. Это не моя мама, думала я. Меня подкинули этой злой женщине.

АРКАДИЙ. Дорогая, в моём детстве били всех. Все женщины были суровые такие тётки. Все боролись. Все волокли семью на себе. Рывкали. Стой! Я сказала, стой! Заткнись! Не огрызайся! Мало ли что тебе показалось! В детском саду меня, помню, догола раздели и в угол поставили. Чтобы мне было стыдно за свой поступок. Я пенку своровал. И еще был портрет Ленина огромный такой. Всех заставляли стоять на коленях и просить прощения у бабушки Ленина. Я стоял не раз – хулиганом был.

СЛАВА. О, боже.

МИША. Кстати, борщ готов! Давайте есть! Давайте отвлекусь о мрачного и поговорим о чем-то приятном. Вот, например...

ОЛЯ (*перебивая*). Миша, а в чём дело? Хватит уже нам рот затыкать! Мы говорим, о чём хотим! Если ты вырос в благополучной счастливой семье, то мы нет! Не всем так повезло, Миша.

МИША. В благополучной счастливой семье? Ты уверена, Оля?

ОЛЯ. А что, разве нет?

МИША. Давайте лучше есть борщ.

АРКАДИЙ. Давайте! Давайте! Люблю борщ. Это у нас семейное. Мама моя тоже борщ обожала, царствие ей небесное. С Дона мама родом была, там борщ уважали.

МИША. Мама-то знала, что ты спиваешься?

ОЛЯ. Ой, ну что ты, Миша, о неприятном за столом.

АРКАДИЙ. Да, так бы мама и сказала.

ОЛЯ. Ну подумаешь, человек рюмку выпил, чтобы отдохнуть после работы.

АРКАДИЙ. Именно.

МИША. Я видел Аркашу по телевизору. Он играл как бог. Он был звездой раньше.

СЛАВА. Серьёзно? Бог мой! Я узнал вас! Аркадий...

АРКАДИЙ (*перебивая*). Не будем называть фамилии. Просто Аркаша.

СЛАВА. Но ведь вы играли, как бог! Боже мой! Это ж легендарная группа...

АРКАДИЙ (*перебивая*). Всё, забудь, нет такой группы давно. Распалась. У меня белая горячка началась, и группа распалась. До сих пор ребята простить не могут.

МИША. Где твой внутренний стержень, Аркаша? Почему ты пьёшь?

АРКАДИЙ. У меня и правда был внутренний стержень. А теперь он раскрошился на песок. У меня период полураспада.

ОЛЯ. Ну не будем о грустном. Ну что вы! Вы такой приятный человек, вы хорошо выглядите ещё. Как вам мой борщ?

АРКАДИЙ. Божественно. Красный такой, кровавый. Мама борщ любила. Она с Дона была, мама. Их девять человек детей было в семье. Ну, конечно, три свиньи было, две козы, куры, две коровы. Кормить-то детей надо. И их раскулачили. Отправили в Казахстан. Ехали четверо суток в

поезде. И все четверо суток мама, тогда еще совсем маленькая, мечтала о горячем борще. Она четверо суток лежала между тёплой матерью и холодным отцом. Отец умер в самом начале пути. И так и ехал с ними в поезде. Они прятали его от охранников, чтобы не выкинули на полсутанки. А она мечтала о горячем борще. Так и ехали. Я теперь хожу по электричкам как будто не один, как будто все они тут со мной – маленькая мама, её сёстры и братья, бабушка, мертвый дедушка. Мы вместе в этом поезде.

(пауза)

ЛИЗА. Моя мама - это такая черепаха, которая прячет голову в панцирь. Ну, она втягивает её внутрь, быстро-быстро. Не видит, не слышит. А я остаюсь одна. Толстый отчим. Не знаю, почему она выбрала его и родила от него ребенка. Я ей хотела рассказать сейчас, что это очень плохой человек. Но бесполезно. Она выбрала его. Его, а не меня. Я помню, как к ним пришли гости, а потом ушли и осталась гора в раковине. И они говорят мне: Лиза, мой посуду. И я возмущаюсь, мне одиннадцать, и я возмущаюсь, я говорю: почему? Почему я должна мыть эту посуду? Ведь гости ваши. И тогда отчим бьёт меня по лицу. А мама молча уходит в комнату. Она просто уходит. Он редко бил. Иногда был ласковым. Садился рядом и начинал мыть, что мама его не любит. Мне было уже четырнадцать. Что мама его не любит, и не занимается с ним сексом, а я такая холодная, неласковая. Я слушаю. Что я могу сказать, просто слушаю. А когда мне девять, он приходит ко мне ночью в спальню. Мама не знала, не хотела знать. Он приходит голый. Горит ночник, и я всё вижу. Мне кажется, что это такая отвратительная мятая вещь, на ней растут волосы. Мне кажется, это только у него растёт, у этого отвратительного человека. Он подходит к моей подушке и стоит, как будто чего-то ждёт. Потом уходит. Недавно мама спросила меня: Лиза, ну почему ты нас так не любишь. И я сказала: давай я тебе расскажу, мама. Давай я тебе расскажу про твоего мужа. И она сказала: не надо. Пожалуйста, не надо.

МИША. Моя мама. У неё были такие кудрявые светлые волосы, голубые глаза. Она хвалила меня, любила. Но это бывало редко. А так мама пила. Они с отчимом собирали компанию дома и пили. Или уходили куда-нибудь. А нас запирали. Нас было четверо детей, я старший. Меня она родила от кого-то человека, я не знаю. Отчим меня не любил за это. Ну это ладно, бог с ним. Мы сидели в квартире, Серёжа, Женя, Дима. И я старший. Они плакали, потому что хотели есть. И я тоже был маленький. Что я мог сделать для них? Но они цеплялись за меня. И тогда я залезал на подоконник и кричал прохожим, чтобы бросили нам хлеба. Было очень стыдно. Нищие просят именно хлеба, а не другую еду, да ведь? Хлебушка, дайте хлебушка. Почему хлеба? Это какая-то волшебная еда, она сделана специально для нищих. И нам кидали хлеб. Я ловил в форточку и давал братьям. Когда они смотрят на меня, теперь, уже теперь, то у них эти же глаза. Они смотрят на меня как на бога. А маму убили в пьяной драке. Младших забрала бабушка, всех троих. А меня отдали бабушкиной подруге – Баболе. Пять дней я был в интернате, а на выходных у неё. Баболя. Она любила меня.

3. ОЛЯ и МИША в постели.

МИША. Почему ты осталась?

ОЛЯ. Ты попросил остаться, и я осталась.

МИША. Я же повочивался к тебе спиной.

ОЛЯ. Да, это отвратительно. А почему ты попросил остаться?

МИША. Ну, я же сказал: останься посуду помыть.

ОЛЯ. Нет, почему ты попросил остаться?

МИША. Чтобы раздеть тебя. Видишь ли, Лиза лесбиянка, а Слава и Аркаша вряд ли согласились бы. Но даже если б согласились...

ОЛЯ (*перебивая*). Я осталась, потому что мне тебя стало очень жалко.

МИША. Ты спишь со всеми, кого тебе жалко?

ОЛЯ. Нет, только с красивыми молодыми мужчинами.

МИША. Надо посчитать: допустим, тебе жалко пятьдесят человек. Из них красивых молодых мужчин...

ОЛЯ (*перебивая*). Ты похож на моего школьного друга Ваню. Помнишь, я рассказывала? Что у меня был друг, близкий друг в школе.

МИША. Близкий друг? Вы любили друг друга? Целовались?

ОЛЯ. Я не дорассказала историю про Ваню. Я помню, как бежала. В школе, на физкультуре. Класе в седьмом. Там что-то типа соревнований было. Типа, эстафеты что-то. Две команды, ну и кто первый к финишу придет. Через препятствия – ну, там, стенка, брусья, козёл, а до этого кросс. А я бегать ненавижу. А все рванули. А Ваня в моей команде был, он тоже рванул. А я последняя плетусь, последняя самая. Стенку сколько перелазила, потом брусья, через козла переползла. Вся красная, в боку колет. И сильно отстала, конечно. Прибегаю к финишу – а моя команда из-за меня проигрывает, из-за того, что я последняя. Все злятся. Ну ты черепаха! Последняя. Все прибежали, хотели выиграть, а я последняя. А они меня в команду взяли, и пожалели. Проиграли из-за меня. И Ваня мне в глаза не смотрит, отворачивается. Последняя. Ему стало стыдно за меня.

МИША. А потом?

ОЛЯ. Потом? Потом другой команде поставили пятерки всем.

МИША. Нет, а что потом Ваня?

ОЛЯ. Ваня? Ничего, всё в порядке Ваня. Я отсела от него, конечно. Больше не разговаривала с ним. До девятого класса. А потом он ушел в худучилище, а я осталась.

МИША. Так он что, игнорил тебя?

ОЛЯ. Он-то? Нет, домой даже приходил. Я не стала разговаривать. Он пытался, записки писал. Я не читала, рвала.

МИША. И я на него похож?

ОЛЯ. Да. Как будто это Ваня, только постарше. Я его себе таким представляю.

МИША. Я подремлю, сделай мне массаж.

ОЛЯ. А ты? Теперь ты расскажи мне про своего друга, как там его?

МИША. Санёк. Оль, слушай, ну что за вечер воспоминаний?

ОЛЯ. Тебе неприятно? Почему?

МИША. Да не помню я ничего уже! Как ты из меня про маму-то вытянула, я не понимаю. Я свою биографию рассказываю раз в десять лет. Эту её

часть, до шестнадцати лет. А тут выложил всё людям малознакомым.
У меня, кстати, сразу в почках закололо, вот тут, помассируй тут.

ОЛЯ. Так всегда.

МИША. Что всегда?

ОЛЯ. Только я подхожу чуть ближе – меня отталкивают.

МИША. Иди сюда.

ОЛЯ. Не надо, Миша. Не надо заниматься сексом, только чтобы не
разговаривать.

МИША. Как хочешь.

ОЛЯ. Я пойду.

МИША. Как хочешь.

ОЛЯ одевается.

МИША. Я не рассказал тебе историю про Санька. Однажды пацаны из нашего класса и старше собрались и избили его всей толпой. За то, что он не походил на других. За то, что фантастику читал. Учился хорошо. Ну, формальный повод был другой какой-то, не помню. А я стоял в стороне, и у меня тряслись коленки. И в какой-то момент он посмотрел на меня. Уже шла кровь из носа и было ободрано об асфальт лицо. И я помню до сих пор этот взгляд. А потом они ушли, а он остался лежать. А я подошел к нему и сказал: «Да ладно, всё нормально. Ну подумаешь, подрались из-за ерунды». Я часто вспоминаю эти свои слова. Захлопни дверь, когда будешь уходить.

4.МИША прихлёбывает виски прямо из бутылки.

ОЛЯ. Миша, ты же не пьешь.

МИША. Сегодня особый день. Лиза, ну почему ты всегда в этих мешковатых джинсах! Ну хоть бы раз пришла, я не знаю, ну, если не в юбке, так хоть в черных кожаных леггинсах.

ОЛЯ. Ха-ха! У меня есть такие, я приду!

ЛИЗА. Вот ещё.

МИША. Ну что, Слава, твой звёздный час.

СЛАВА. Вы думаете, я буду вам рассказывать корейские рецепты?

ОЛЯ. Хи-хи! Да, морковку по-корейски, пожалуйста.

СЛАВА. Нет, сегодня будет салат с курицей. Нам понадобится куриная грудь, банка консервированных ананасов...

МИША. Нет.

СЛАВА. Что “нет”?

МИША. Нет, нет и нет. Достала уже эта пища для бедных, эта унылая курица. Сколько можно? Ты в курсе, что там нет витаминов и микроэлементов вообще? Это унылый протеин, и больше ничего. Пусть её жрут тупые качки по три килограмма в день, а мы будем есть вкусную и здоровую пищу. Аминь.

ОЛЯ. Ха-ха-ха!

СЛАВА. Как-то неожиданно...

МИША. Как-то борзо, ты хочешь сказать?

СЛАВА. Да, я хочу сказать: как-то борзо.

МИША. Молодец! Молодец, Слава! Молодец, что осмелился это сказать. Потому что удобный человек кто?

СЛАВА. Кто?

МИША. Удобный человек – это тот, кто живет на обочине жизни, чувак! Его заставляют идти к чужим целям и удовлетворять чужие потребности. А это стрёмно, чувак, это не айс. Сам факт того, что ты заявляешь о своих потребностях, может причинить кому-то дискомфорт, да? Такое модное слово – дискомфорт. Еще есть такое же поганое – комфорт. Комфорт и сухость, ага, как из рекламы. И вот ты причиняешь кому-то дискомфорт. Как ребёнок. Агрессия из ребёнка льётся легко и свободно, свободно и легко. Он орёт, как хабалка, бьёт того, кто отбирает у него игрушку, убегает, когда ему скучно. Он визжит, громко, очень громко визжит. И знаешь, что он сообщает своим визгом, Слава?

СЛАВА. Что?

МИША. Он говорит: «Я есть. Я имею право быть. Потеснитесь». Это нагло, да ведь, Слава?

СЛАВА. Я не знаю, у меня нет детей...

МИША. И никогда не будет, Слава. Для этого надо иметь в своей крови тестостерон, а у тебя его мало. У тебя вообще усы растут, не? Ты брешьшься вообще?

СЛАВА (*неуверенно*). Да...

МИША. Чувак, мало того, что ты узкоглазый дрищ, но ты даже не на сто процентов мужик, вот в чём беда.

СЛАВА. Я не понимаю: что, быть агрессивным тупым самцом – это мужественно? И при чём тут...

МИША (*перебивая*). Я сегодня очень агрессивный, да. Агрессия – это хорошая энергия. Это как секс. Я всегда говорю этим задротам-продавцам на тренингах: будьте агрессивными. Будь агрессивными в своих помыслах, мать вашу, будьте дерзкими. Не запирайте в себе свою борзоту – вкладывайте её в дело, и она принесёт вам дивиденды. Она обогатит вас. Nothing is impossible.

СЛАВА. Какие-то новые грани в тебе открываются, Миша. И теперь объясни, как это всё применить в кулинарии.

МИША. Пойми, чувак, не важно, что делать. Не важно! Важно, какой ты. Ты умеешь драться?

СЛАВА. Драться?

МИША. Не отводи глаза. Смотри мне в глаза!

СЛАВА. Не понимаю...

МИША. Лучший способ стать лузером – это отводить глаза. Хочешь быть слабым всю жизнь – игнорируй наезды. Не обращай на них внимание.

МИША наносит СЛАВЕ лёгкий, но неожиданный удар, скорее чтобы напугать, СЛАВА валится на стол, ОЛЯ верещит.

МИША. Давай, разозлись на меня, давай! Вот, я вижу, как загорелся у тебя глаз! Во-о-от! Молодец! Давай!

СЛАВА берёт в руки деревянную разделочную доску, но бьёт не по МИШЕ, а по стене.

МИША. Ну! Ну что же ты? Давай, иди сюда, врежь мне! Останови хама! Потрогай моё лицо своим кулаком! Давай!

СЛАВА. Я не понимаю! Мы здесь в кулинарном кружке или в бойцовском клубе?!

МИША. Ты слил, чувак. Если б ты был продавцом, то бы в этом месте слил продажу. Клиент ушел, вытерев о тебя ноги. Ты сдулся.

Заходит АРКАДИЙ.

АРКАДИЙ. А что вы в стены долбитесь?

МИША. Садись, Аркаш, побудь с нами. Мы тебя скоро накормим. Итак, Слава. Слава, Слава, дорогой мой. Дорогой мой человек Слава. Понимаешь, рецепты – это плохо. Готовые, набившие оскомину рецепты – это очень плохо, чувак. Архиплохо, как сказал бы Владимир Ильич. Лови!

МИША открывает холодильник и выбрасывает оттуда овощи, СЛАВА едва успевает ловить.

МИША. Жизнь предлагает тебе разные обстоятельства, разные, всякие новые и неожиданные. И смотрит, что ты будешь делать дальше. Что ты будешь с этим делать, Слава?

СЛАВА (*рассматривая овощи*). Что?

МИША. Что? Мы хотим попробовать.

СЛАВА. Попробовать?

МИША. Попробовать твои новые салаты, чувак.

СЛАВА. Из этого?

МИША. Сконцентрируйся, Слава, сосредоточься. Импровизируй! Ты можешь, я верю в тебя, чувак!

СЛАВА. Э-э-э...

ОЛЯ. Давай я! Давай я начну. Итак, берем цветную капусту и режем. Ты режь.

СЛАВА. Миша, у тебя есть соевый соус?

МИША. Есть.

ОЛЯ. Отлично. Теперь ищем ей пару, капусте. Допустим, это будет огурец!

СЛАВА. Хо-хо! Я понял! Давай еще укроп покрошим туда?

ОЛЯ. Отлично, режь. И добавляем туда ложку оливкового масла и соевый соус. И кунжут. У тебя есть кунжут, Миша?

МИША. Take it.

СЛАВА. И поливаем сверху кефиром! Ха-ха!

МИША. Давай еще, Слава! Придумай еще!

СЛАВА. Берем сырую свеклу и трём. А потом сверху трём репу. И орехи. И творог! Масло...

МИША. Держи тыквенное.

СЛАВА. Отлично, тыквенное масло! Следующий! Берем мягкий соленый сыр, режем разную зелень, крошим туда помидоры и сырые кабачки, добавляем кусочки сырой тыквы! Ура!

МИША. Теперь что ты сделаешь с обстоятельствами своей жизни?

СЛАВА. О! Я хочу что-нибудь придумать!

МИША. Что ты скажешь Оле, если она еще раз спросит, почему вы воняете, мужчины?

СЛАВА. Мы воняли, воняем и будем вонять! Йохоу!

МИША. Дай пять, чувак!

СЛАВА. Хей!

МИША. Сопrotивляйся. Ты читал «Полёт над гнездом кукушки»? Макмёрфи. Кто такой Макмёрфи? Это Христос. Он боролся за свободу, и он победил. Пусть и пожертвовав собой. Понимаешь, он бог. И каждый из нас тоже может. Они хотят превратить тебя в точку, а ты расползайся огромным пятном. Они давят – ускользай. Они запирают – вырывайся. Они хотят, чтобы ты шел с правой ноги – иди с левой. Они включают тебе в уши свои марши, делай громче свой блюз. Они кормят тебя враньём – не верь. Режим рухнет. Сопrotивляйся. Протестуй. У тебя есть голос – кричи. Громче. Еще громче. Ярче. Ты есть.

СЛАВА. О да! Я есть!

АРКАДИЙ. Я хочу есть.

МИША. Какой-то ты сегодня сухой и сдержанный, Аркаша, что с тобой?

АРКАДИЙ. Я бросил пить.

МИША. Это отличные новости! Это отличные новости, Аркаша! Теперь давай займемся твоей карьерой.

АРКАДИЙ. Какой карьерой? О чём ты?

МИША. Ты занимаешься продажами, и как будто стесняешься этого. Я трачу годы своей жизни, чтобы доказать всему миру, что продавец - это человек, которого не интересуют деньги. Мы работаем с божественными созданиями и мы спасаем души. Мы соединяем людей и их мечты. Мы делаем их счастливыми еще на земле. Это - божественная работа. Это - музыка! Ты ходишь по электричкам и продаешь всякий хлам. Там, в электричках, у тебя сотни конкурентов с точно таким же хламом. Ты должен выделиться, Аркаша. Например, красная бабочка. *(Миша выкидывает из своего шкафа вещи, Аркадий ловит)*. На, держи! И вот, пиджак выпускника престижного университета, на, и вот солидный клетчатый носовой платок. Дорогой парфюм. И вот, ты идешь по электричке, ты бог. Вокруг тебя эти мелкие чмошники в спортивных костюмах и с семечками. А ты из другого мира. Ты улыбаешься широко, как просветлённый. Конечно, они захотят купить у тебя твою картофелечистку. Конечно! Они захотят поближе рассмотреть тебя. Кто ты, прекрасный пришелец из другого мира? Сможешь ли ты сделать нас счастливее?

АРКАДИЙ. Да, мадам, только купите за три копейки мою терку. Мерси.

МИША. А они сидят, эти женщины за пятьдесят, с несчастными глазами. Они так устали от грубости этого мира. И тут ты, элегантный и нежный.

АРКАДИЙ. О, шон зализе! О, шон зализе!

МИША. Как бьётся моё сердце. Это он.

АРКАДИЙ. Давай посидим с тобой рядом, и просто поговорим. Как ты, родная?

МИША. Мне с тобой так спокойно, но захватывает дух.

АРКАДИЙ. Дыши глубже.

МИША. Когда-то я тоже был уличным торговцем. Я продавал сникерсы и колу, и всякую хрень. Это было в девяностых, в недобром городе Ленинграде. На меня косо смотрели, как будто я пью кровь младенцев, а я стоял за столиком, еще совсем пацан, и очень стеснялся.

ОЛЯ. Да, Миша, в «Артек» мы тебя не отправим.

МИША. Я стеснялся, как будто стою тут и дрочу при всех, на меня точно так же показывали пальцами.

АРКАДИЙ. Спекулянт! На завод иди работай!

МИША. Но я был на всех заводах города, воспитанников нашего интерната туда настойчиво водили. Это был ад и израиль, конечно. Дореволюционные станки, обшарпанные стены, алкашня в грязных ватниках, мятые желтые лица, колючие глаза, нищета, вонь, грязь. Однажды полдня я поработал на кожевенном комбинате «Марксист». Он убивал всё живое в человеке, потому что производил страшные изделия из кожи. Её резали на кусочки. Трупный смрад поднимался над горами мертвечины и выедал глаза. Одну девочку стошнило в склизкую лужу мазута.

ОЛЯ. Грёбанный завод!

МИША. Этот завод нам в интернате рекомендовали как один из лучших. Мой одноклассник Андрей всё-таки пошёл туда работать. Через месяц он узнал, что его зарплаты хватает только на пару пачек сигарет и десять килограммов картошки.

АРКАДИЙ. Оба-на.

МИША. Поэтому я работал лоточником на Лиговке. В подворотнях жили бывшие балерины, спившиеся актеры и музыканты, всяческие опухшие певцы и ободранные художники. Для всех них я стал рисовать красивые ценники. Я старался, я делал из этой бумажки произведение искусства: дорогая бумага, выверенный шрифт, градиент. Я писал на ценниках стихи и рисовал рисунки, я хорошо рисую.

АРКАДИЙ. Не, ну правда же красиво. Молодец, пацан! Руки не из жопы!

МИША. Они рассматривали, даже если не покупали, стояли и рассматривали, и улыбались. И я улыбался. Я стал лучшим продавцом, и меня перевели на Невский. А там было много иностранцев.

ОЛЯ. Excuse me, could you tell us where is Peter the great?

МИША. Please speak a little slowly – I speak English not so fluently as you do.

ОЛЯ. Ха-ха! Cool man!

МИША. Я стал учить английский, и скоро уже мог разговаривать с ними за жизнь. Они стеснялись брать сдачу у интеллигентного приятного паренька. Я менял им валюту. У меня появилось много денег. Я сорил деньгами, и девушки полюбили меня.

АРКАДИЙ. Хочу есть.

МИША. Иди сюда, Лиза.

ЛИЗА. Я?

МИША. Расскажи, что для тебя быть женщиной?

ЛИЗА. Женщиной? Даже не знаю. Я помню, как мама забирала меня из детского сада, и вела домой. Она часто была не одна, а с каким-нибудь мужчиной. Наверное, пыталась устроить свою личную жизнь. И вот она шла на каблуках и с накрашенными губами, разговаривала с

ним, и не замечала меня, а я всё понимала. Она делала такие отвратительные вещи с мужчинами – их обманывала. Тогда я так думала – что она их обманывала.

ОЛЯ. Вы, мужчины, живёте в мире идей, вы все в своей голове. А надо чувствовать. Чувствовать. Чувствуешь тепло?

МИША. Да.

ОЛЯ. А так? Что ты чувствуешь?

ЛИЗА. У неё даже менялся голос, она говорила так странно, хихикала, и растягивала слова, и выбирала какие-то странные темы. И мужчины поддавались её обману, они становились такие глупые, и не замечали, что она их обманывает. И я тогда подумала: нет. Никогда не буду делать так. Никогда. Никогда не буду хитрить, буду говорить прямо. И платья...

МИША (*перебивая*). Да, платье. (*достаёт шелковую простыню и делает из него прямо на ЛИЗЕ платье*). Платье – это must have, м-м-м, красивое платье. Жалко, у меня нет бус.

ЛИЗА. Бусы! Мой дедушка подарил мне длинную нитку жемчуга и чулки в сеточку на шестнадцатилетие.

МИША. Лизонька, внученька, я дарю тебе это, чтобы мужики сходили от тебя с ума, сворачивали шеи, и так и падали бы перед тобой, с покалеченными шеями.

ЛИЗА. Ха-ха! Ну это же ужас, дедушка! Как такое носить?

МИША. Это символы твоей власти, дорогая моя, символы твоей женской власти.

ЛИЗА. У меня даже трусы детские, с котятками.

МИША. Женщина – это жизнь бёдер, это изгиб попы. Женщина вся – поворот, вся танец. Женщина показывает свою лодыжку, колено, кости таза, в которых прячет матка – аккумулятор энергии, центр, - а дальше кисти, локти, плечи, шея, это всё двигается, меняется, летает, ускользает. Давай, Лиза. Живи. Оживай. Ты красавица, Лиза. У тебя такая тонкая талия. У тебя такие длинные пальцы. Да, да, молодец! Какая пластика! Ты зажигаешь огонь, Лиза! Ты богиня! Твои вибрации заполнили всю эту комнату! Ты - женщина! Ты пятьдесят два сантиметра перекрученной проволоки, которая удерживает пробку от шампанского, и вот ещё секунда...

АРКАДИЙ (*перебивая*). Пойду я, сами жуйте свои сырые кабачки с тыквой.

МИША. Да, всё, на сегодня мы закончим, у меня еще куча дел, давайте, до свиданья, собирайте салаты и уходите, сегодня я спешу, до свиданья! Всё-всё! Пока!

МИША выталкивает всех и в последний момент выдергивает ЛИЗУ и захлопывает за всеми дверь. ЛИЗА сразу же набрасывается на МИШУ, а ОЛЯ, с обратной стороны двери, истерично звонит, потом стучит, потом пинает.

МИША. Так ты же лесбиянка.

ЛИЗА. Да нет, конечно.

МИША. Так как же?

ЛИЗА. Да ну, глупости.

МИША. Так...

ЛИЗА. Да чтоб не приставали. Достали уже. Так говорю поэтому.

МИША. Ха!

ЛИЗА. У меня дочке три года.

МИША. Обожаю тебя.

МИША и ЛИЗА прыгают в кровать.

5. *Играет «Imagine» за стенкой, слышно, как АРКАДИЙ подпевает. СЛАВА икает.*

ОЛЯ. Ты чего икаешь: есть хочешь?

СЛАВА. Да.

ОЛЯ. Ты хочешь есть?

СЛАВА. Да.

ОЛЯ. Есть хочешь, да?

СЛАВА. Да.

ОЛЯ (*залезая в холодильник*). Ну давай, я тебя покормлю. Хочешь бутерброд?

СЛАВА. Нет.

ОЛЯ. Бутерброд с колбасой будешь?

СЛАВА. Нет.

ОЛЯ. Вкусный бутерброд с колбасой.

СЛАВА. Нет.

ЛИЗА (*оттесняя ОЛЮ от холодильника*). Сейчас будем делать шарлотку.

МИША. Сегодня у нас шарлотка. Очень хорошо. Лиз, плесни мне молока, пожалуйста.

ЛИЗА. Как обычно?

МИША. Да, тёплое. Итак, сегодня последнее заседание нашего кулинарного кружка. А дальше мы пойдем по второму кругу. Если захотим. Так захотим? Кто что думает?

ОЛЯ. Я думаю, на этом надо завершить.

МИША. У кого еще какое мнение?

СЛАВА. Мне всё равно. Не знаю.

ЛИЗА. Я думаю, надо продолжить.

МИША. Какие-то вы все вялые. Кроме Лизы. Лиза, тебе очень идёт эта юбка.

ЛИЗА. Спасибо!

МИША. Слава, расскажи нам, почему ты такой невесёлый сегодня.

СЛАВА. У меня появилась подруга.

МИША. Так, отлично! Отличные новости!

СЛАВА. Раньше у меня не было такой девушки никогда. У меня были такие... немножко сумасшедшие, а главное, некрасивые. А тут появилась девочка из хорошей семьи. Красавица такая, ммммм. Похожа на Одри Хэпберн. Папа – богатый чиновник. Мама – любительница оперы. Представляете, ей в детстве запрещали бегать, чтобы она не упала и не поцарапала колени. Так и росла, как кукла. И сейчас такая чистенькая, такая несчастная. Захотел ей помочь. Я после тех салатов такой борзой стал. Мне почта России не доставила запчасти от вела, я заказывал в Англии. Так я жалобу накатал, и лично в офис к ним понёс. А там такая она сидит, ресницами хлопает прекрасными. Я на волне той нагло потребовал у неё телефончик, она дала. А я дальше бороться стал. Соседи ночью оралы – милицию вызвал. В жэк

нажаловался, что вода не горячая, а берут, как за горячую. На митинг пошёл. За свободу бороться. Но холодно было, сыро, недолго я там потолкался. Друг мне говорит: давай бороться за хорошие дороги. Давай, говорю. Но там надо было ездить, все эти выбоины фотографировать, жалобы писать, следить, что отвечают, с юристами консультироваться. Скучно. И тут я этой фифе позвонил. Давай, говорю, ночью на великах кататься. Она обалдела, конечно. Давай, говорит. Поехали мы. Она никогда ночью не каталась, и не гуляла даже. Сказала мужу, что ночует у мамы, а сама со мной поехала. А сама смотрит на меня такими большими глазами, как на деда Мороза. Ну, думаю, покажу я тебе, как в лесу родилась ёлочка. Доехали до речки – я разделся и нырнул. Она как заверещит. Вода ледяная, капец какая, но понты дороже денег. Таким крутым себя почувствовал. Таким хулиганом! Вынырнул я, а потом мы поехали в подворотню, и там я с неё трусы стащил, и мы сексом занялись. Никогда со мной такого не было. Мне никогда на первом свидании не давали, да еще в подворотне. А на другой день я её в кафе позвал. Наказывали мы, поели, и тут я ей говорю: «Платить не будем, валим!» А она отличницей была всегда, представляете, дорогу только на зеленый переходила, вышла замуж за порядочного человека. Она на меня смотрит, как на бога! Мы взяли за руки и побежали. Бежим, смеёмся, страшно! А потом я её привел домой, и мы занялись сексом. А на третий день мы в супермаркет пошли. Я ей говорю: давай коньяк сворую. Запихали бутылку ей в рукав, идем на кассу. Она боится, зрачки аж расширились. А на соседней кассе вдруг кассирша завизжала: «Охрана! Охрана!» Кошмар. А кассирша на бабулю показывает, которая у неё с пакетом молока и булкой хлеба перед кассой стоит. А у бабули из-под шапки струйка крови по лицу течет. Охранник херакс – шапку с бабули сбивает, а у неё там фарш спрятан. Тут бабулю за шиворот потащили куда-то, она упирается. И чё-то так мне противно стало. Я говорю: давай сюда бутылку. На ленту ставлю. Купили. Тут фифа моя загрустила, к мужу засобиралась, я говорю: ну и вали. Она обиделась. И вот теперь я думаю: зачем это всё? Зачем?

МИША. Ну что ж, это был nice try. Ты попробовал...

СЛАВА (*перебивая*). Ей нужен был не я?

МИША. А тебе нужна была именно она?

ОЛЯ. Кишка тонка.

ЛИЗА. Пойду Аркадия позову.

ЛИЗА стучит в стену. Заходит АРКАДИЙ.

АРКАДИЙ. А что это у вас едой не пахнет сегодня?

ОЛЯ. Да, жизнь у нас катится от откос, какая тут еда.

МИША. Оля, не драматизируй.

ОЛЯ. Не, ну мы долго будем притворяться, что всё в порядке? Всё в полной жопе, Миша. И все это видят.

МИША. Я не понимаю, о чём ты.

ОЛЯ. Да всё враньё, всё, что ты нам тут наплёл, враньё полное. Слава докатился уже до воровства в магазинах, а ты ему говорил: почувствуй

себя богом. Ты главный врун, Миша, посмотри на себя! Что ты сделал – ты совратил лесбиянку, вот и всё!

МИША. Она не лесбиянка. Но я понимаю, Оля, твою обиду.

ОЛЯ. Да что ты понимаешь! Что ты можешь понимать? Не смеши меня!

МИША. Давайте успокоимся и...

ОЛЯ (*перебивая*). У тебя очень красивый член, я забыла сказать тебе в прошлый раз. Как тебе, Лиза? Ты согласна?

АРКАДИЙ. Слушайте, у вас тут всегда так интересно! Только вы забываете готовить. Давайте, хоть омлет сделаем, а? Кто тут сегодня главный по тарелочкам?

ЛИЗА. Я. Давайте, я сделаю омлет, и правда. А потом будем есть шарлотку с чаем. Только сбегаю в магазин и вернусь.

МИША. Лиза, куда ты не пойдешь. Зачем тебе в магазин?

ЛИЗА. А? За сахаром, кончился сахар.

МИША. Ну что ты выдумываешь – вон в шкафу целая банка.

ЛИЗА. Мне нужен коричневый.

МИША. Ну что за ерунда, Лиза! Ну что происходит? Давай я прямо сейчас не буду ничего объяснять здесь. И вообще, Аркаша – что у тебя с лицом?

АРКАДИЙ. Меня били.

МИША. О my gosh. Кто тебя бил? Когда?

АРКАДИЙ. Ну надел я твою бабочку и пиджак. Выпускника престижного университета. И пошел продавать свои тёрки в электричку. Ну и приняли меня под Серпуховым. Парни простые, ехали, пиво пили. А тут я. Не любят они такие выгибоны.

ОЛЯ (*МИШЕ*). Во-о-от. Всё враньё. Ты врун. От тебя одни проблемы!

СЛАВА (*МИШЕ*). Так а что ж ты тогда говорил? Так что же ты говорил мне? И Аркадию.

ЛИЗА (*МИШЕ*). Мне нужно за сахаром.

МИША. У меня была женщина. Нежная, очень нежная. Красивая. Тонкая, с выступающими ключицами. Она завивала локоны и носила клетчатые рубашки, ей очень шло. От неё пахло полевыми цветами. Она любила меня. Всегда хвалила меня, говорила: ты такой сообразительный! Такой умный. Обожаю тебя, родной мой. Так говорила. И взъерошивала мне волосы. И обнимала. И варила мне кашу. И я знал, что я самый лучший. Что всё хорошо. Но потом появилась другая. Опухшее лицо. Выбитые зубы. Она воняла как бомж – перегаром и мочой, и грязным телом. Орала, материлась. Я даже хотел оглохнуть, чтобы не слышать это. Та первая была слабая, очень слабая, как вата. Она была несчастна. Она хотела, чтобы с ней обращались нежно, но отчим не умел. Она пила, он на неё орал и бил. Они пили вместе. Маму было очень жалко. Но она пила и превращалась в ту, вторую. А та, вторая, запиралась и пила. И в её комнате был холодильник. А мы сидели голодные. Сережа, Дима и Женя, они плакали. Я тоже плакал, но я был старший. Было страшно. Мы слышали, как он её убивает, много-много раз. Однажды он сломал ей рёбра. Она была беременная тогда. На полу лежали какие-то ошметки бордового мяса. И много-много крови. Я боюсь узнать, что потом, в той пьяной драке, её убил он. Хочу верить, что нет. Я всегда пытался спасти её – как самый старший. Становился между ними, но он отшвыривал меня в угол. Однажды я воткнул ему в ногу вилку, и он кинул в меня табуретку,

табуретка сломалась. Я так отчаянно хотел вырасти, чтобы стать сильным, и спасти её. Хотел стать волшебником и расколдовать её. Говорил: ну не надо, мама, не пей, ну пожалуйста! Загадывал на Новый год желание, всегда одно. Но она пила. Наверное, ей не хватало любви. Она была слабая. Она растворилась в своей слабости, как в серной кислоте. Я так ненавидел её вторую, и так любил её первую. И мне её так не хватает сейчас. Моей мамы. Моей любимой тёплой мамы. Она не отбирала мою первую сигарету, которую я нашел на остановке. Она не видела, как у меня стали расти усы. Как я научился подтягиваться на турнике и стал сильным. Какой я был уродливый на своём первом паспорте. Как я закончил школу. Как я заработал на свою первую кожаную куртку. Не видела мою первую любовь Свету Фролову. Не трогала в первый раз разбитую в драке бровь, и не вызывала врача, когда я получил своё первое сотрясение. Мой первый шрам я показал не ей. Я не катал её на моей первой машине. Не праздновал с ней свой первый юбилей в своей первой квартире. Она не видела тот журнал, в котором напечатали моё первое интервью. И не видела мои первые седые волосы. И не увидит моих детей. В тот вечер, когда Слава готовил салаты, ей исполнилось бы шестьдесят лет. Мне страшно не хватает моей мамы. Я не знаю, что делать дальше. Я боюсь умереть. Я не умею любить. Я не могу создать семью. Кажется, я встретил свою будущую жену, но она убегает. Что мне делать, мама? Я такой слабый.

(пауза)

АРКАДИЙ. Да ладно, забей. Мне всё равно надо было уже кончать со всем этим говном. Я ж музыкант. Был когда-то. И тут меня в хор позвали работать. Аккомпанировать. Не знаю, посмотрим. Не знаю. Вчера звонил ребятам. Говорю: давайте соберемся, поиграем в удовольствие, по старой памяти. Я завязал, говорю. Они удивились. Посмотрим.

ЛИЗА делает шарлотку. ОЛЯ плачет. СЛАВА что-то наигрывает на гитаре.

ЛИЗА. Итак, рецепт шарлотки. Шарлотка – самый лучший десерт. Почему? Потому что там нет ни капли жира. Вы берете два яйца, смешиваете с сахаром. Ну, допустим, пара стаканов сахара. Можно белого. Блендером или венчиком. Я люблю блендер. Взбили. Теперь добавляете муку. Но не белую рафинированную, а цельнозерновую, или овсяную. Можно рисовую. Можно гречневую, но вкус будет гречневый. И добавляете эту муку. На глаз. И льёте примерно стакан минералки сильногазированной. Вот так. Можно больше стакана. В зависимости от того, сколько муки. Всё перемешиваете блендером. Вот так. И заливаете этим ваши резаные яблоки. Можно туда цедру потереть. Корицу посыпать. И чуть-чуть мускатного ореха. Всё, отправляем форму в духовку. И через сорок минут вытаскиваем вкусный-превкусный яблочный пирог. М-м-м-м...

КОНЕЦ